

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

Байки космического разведчика

Даля Трускиновская

Байки космического разведчика

«Издательские решения»

Трускиновская Д.

Байки космического разведчика / Д. Трускиновская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851375-6

Чем заняться на старости лет опытному космическому разведчику? Он покорял планеты, побывал в разных переделках, выучился ругаться на языках двадцати негуманоидных рас. А что же дальше? И вот разведчик переходит на преподавательскую работу. Но студенты-курсанты — такие же хитрюги, как в двадцать первом веке. Учиться они не очень-то хотят и постоянно раскручивают преподавателя на очередную историю из его богатой биографии. А истории в Дальнем Космосе случаются самые удивительные...

ISBN 978-5-44-851375-6

© Трускиновская Д.
© Издательские решения

Содержание

Пьяная планета	6
Тридцать три невесты	14
Четыре куста прекрасной лилии	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Байки космического разведчика

Даля Трускиновская

© Даля Трускиновская, 2017

ISBN 978-5-4485-1375-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пьяная планета

Ну и где ваши расчеты? А-а, вот как... Ну, я все понял. С этим недоразумением вы обратились, ребяташки, по адресу.

Да, по всем математическим выкладкам тут должна быть планета. Кто бы спорил! Во-первых, она там действительно есть, во-вторых, я сам на ней бывал. А почему отсутствует в справочниках и атласах звездного неба – это особая история. Пожалуй, вам, ребятаки, не вредно ее узнать, раз уж вы собрались стать проходимцами...

А что я такого сказал? Так нас, между прочим, многие зовут. Опять же, есть во-первых, и есть во-вторых. Во-первых, мы всюду пройдем. То есть – преград для нашего разведкорпуса не существует. Во-вторых, мы получаем иногда задания, которые плохо монтируются с общими понятиями об этике и морали.

На той самой планете нам нужно было изловить компанию из пятерых образованных, симпатичных молодых людей и одной незамужней и довольно красивой девушки, чтобы доставить на орбитальную живыми или мертвыми. А там им произвели корректировку памяти, даже с риском вытряхнуть из головы девичью фамилию любимой бабушки.

Ай-яй-яй, как плохо! Бяки-проходимцы и беззащитная девушка! Если бы знали дамы из Лиги защиты девичьих прав, меня бы по судам затаскали. Но эти дамы никогда не бывали в Глубоком Космосе и понятия не имеют о словах, которые произносит экипаж, узнав, что штатная норма спиртного давно выбрана, а запасы пополнить негде.

Вам вот преподают высшую математику и прочие глупости, а не преподают того, что должен знать каждый проходимец: классификацию спиртных напитков. Спиртное делится на хорошее, на штатное, и на безвыходное. То есть, употребляемое даже с определенным риском для жизни, потому что другого нет.

Хорошее берешь с собой, сколько помещается в личном контейнере, и оно имеет свойство кончатся первым. Штатное – то, которое полагается каждому члену экипажа из расчета тридцать граммов виски или водки в день для аппетита. Так что мы имеем, опять же, во-первых и во-вторых. Во-первых, космическая конвенция прав человека не нарушается, право на разумную дозу алкоголя соблюдается. Но во-вторых: какая же она разумная?!?

А теперь вернемся к засекреченной планете.

Если вы, ребятаки, заметили, планета находится в зоне постоянных боевых действий... Ну, не совсем в зоне, скорее сбоку и... сверху. Я это так себе представляю. Бывают в Глубоком Космосе тихие места, а бывают такие, которые вечно кто-то между собой делит. Настоящую войну такие склочники ведут редко, настоящая – это на уничтожение, а какое уничтожение, когда вокруг стаями летают всякие межпланетные политические наблюдатели? Так что вялотекущая партизанская война продолжается там, думаю, уже не первое столетие.

Было время, когда наша великая держава тоже каким-то боком к этой унылой склоке пристегнулась. Подробности спросите у кого другого – я не историк, я проходимец. И вообще я об этом узнал, когда наша бригада выползла из анабиозных ванн не на Внешнем кольце Земли, а в доке неведомой орбитальной станции.

Нас несколько дней держали в неведении – что, зачем, почему, какого черта? А мы как раз извели последние запасы штатного спиртного и еще не встали на довольствие по новому месту службы. Словом, плохо.

Вот так сидели мы с небезызвестным Гробусом в боксе и тосковали. Небезызвестен он даже вам... не узнали? Сперва-то он был Глобус, потому что носил на бритой башке карту звездного неба – без подробностей, главным образом зодиак, татуировка классная, в двести пятьдесят шесть цветов. Все еще не узнали? Профессор Виленский. А волосы ему потом на башку искусственные вживили.

Сидели, значит, сухие-сухие! И Гробус от тоски связывался со всеми номерами в списке переговорного блока. Наконец напоролся на доброго человека... почти человека. Все как надо, только вместо ушей такие розовые хвостики с раструбами на концах, один вверх торчит, другой вбок.

И говорит нам этот добрый почти человек:

– Милостивые ребята!

Встроенный переводчик был еще до нас кем-то кастрирован, так что, извините, – милостивые ребята.

– Если вы сообразовали намерения с нами вместе на поверхность, мы почтем за честь припахать вас к общему делу поиска благородного бухла!

– Сеньор! Милорд! – заорал Гробус. – Всеми силами души и тела! Всей мощью разведкорпуса!

О том, что у нас в этом секторе галактики имеется две расы союзников, мы уже знали и не возражали. Могло быть хуже – маленькие зеленые человечки, к сожалению, не выдумка, спросите Гробуса – они у него электробритву сперли. Сказали – на запчасти для своего лайнера.

Нам назначили время и место встречи, но велели брать свою тару – почти человек сказал «амфоры и кувшины», но мы все поняли и приволокли четыре канистры, в которых очень давно плескалось пиво. У них были удобные для переноски ручки да и вместимость приличная, литров по двадцать.

Наш десант выглядел так – мы с Гробусом, вооруженные канистрами, трое раструбоухих, обмотанные тонкими трубками, и еще один тип вообще с пустыми конечностями, ростом мне по пояс, лицом очень похож на собаку мопса, но говорит внятно и, что дорого, без переводчика. Его звали Брртасмагорр – если правильно прорычать, то мороз по коже.

Выбирались мы с орбитальной не просто так, а сунули в лапу диспетчеру сколько надо, и он закрыл глаза на старт нашего челнока.

На поверхности мы из челнока выпрыгнули и сразу его застопорили на полную мощь. Так что мы были повязаны сроками – за те два земных часа, которые нам требовались, чтобы разжиться спиртным, он должен был уйти в здешнюю почву сантиметров на восемьдесят. Если застрянем на четыре часа, придется уже его откапывать. А если на сутки, то даже страшно подумать. Страшная сила – генерированная гравитация!

Но только так мы могли быть спокойны, что его не угонят.

– Пошли, детки, – сказал Брртасмагорр. – Не отставать. С дороги не сходить. Продув пузыря – на ходу.

И мы пошли по тропинке, удобной разве что для Брртасмагорра – он шлепал в полный рост и от удовольствия мотал головой, только щеки полоскались вверх-вниз и вправо-влево, мы их очень хорошо сзади видели. А нам, с нашим ростом, приходилось все время нырять под ветки.

Лес там, конечно, был потрясающий, все цело и благоухало, птички летали с прехорошенькими мордочками, кто-то в кустах очень мелодично похрюкивал, а уж червяки были – все бы отдал за банку таких выползков к завтрашней рыбалке!

Вдруг слышим – кто-то нам навстречу идет. И даже не идет, а ломится, веточки трещат, птички пищат.

– Дадим дяденьке дорогу, – говорит Брртасмагорр. – Он ничего, безобидный, вот только в брачный сезон очень плюется, а слюна у него ядовитая. Мне как-то на горбовой гребень попало – до пластины прожгло.

А мы с Гробусом, повторяю, новенькие и обстановку знаем только по рассказам и картинкам.

Ладно, отошли.

И появляется тот самый дяденька, который известен нам по видеофайлам как броневой десантник вражеских соединений. Чешуя на нем, ребятишки, с мою ладонь толщиной и вот этак выгнута. Потом уже я подобрал несколько таких чешуек, и мы с Гробусом за них обратно его электробритву выкупили – в другое время и в другом месте. Маленькие-зелененькие эти чешуйки используют для одноместных флаеров, только верхний слой обдирают, чтобы получить прозрачную пластину.

Мы с Гробусом, увидев эти четыре тонны смерти, переглядываемся, а в глазах у нас одно и то же: бежать!

– Тихо, он никого не тронет, – шипит Брртасмагорр. – Вот увидите.

Дяденька повернул шипастую башку, попытлел в нашу сторону и побрел себе дальше. Мы поглядели ему вслед и все поняли – он тащил по тропинке целый прицеп на гусеничном ходу.

– Поняли? – спрашивает Брртасмагорр. – И вы, кого бы ни увидели, или притворяйтесь слепыми змейками, или вежливо кланяйтесь, а в переговоры вступать незначем. Не наше это дело.

– Так враг же! – возмутился Гробус.

– Ну и что? – спросил Брртасмагорр. И рыкнул недовольно.

Мне все хотелось узнать, какие у него там, в складках мопсячьей морды, прячутся зубы. Оказалось – не просто зубы, а челюсти на шарнирах. Перед дракой они выдвигаются вперед и становятся, как у крокодила, а потом обратно втягиваются, вот почему складки. Но это уже потом оказалось.

Пошли мы дальше и, когда лес кончился, увидели забор. Обыкновенный такой частокол, если долго вдоль него шагать – может быть, и ворота найдутся. Я к тому, что мы тот поселок, кажется, раз пять по периметру обошли, пока вовнутрь попали.

И увидели мы там такое милое население, что прямо сердце возрадовалось – как радуется, когда видишь здоровых, ухоженных и веселых детишек... я не про вас. У них были очень светлые личики, а ручки и ножки совсем крохотные, и еще – ни на ком я не увидел оружия. Даже у Брртасмагорра спросил, и он объяснил мне, что эти малыши вообще очень мирные, питаются одними травками и плодами, для них птичку загубить – преступление. А частокол – чтобы не пришлось убивать единственного здешнего опасного зверя, вроде кабана, только с длинной шерстью, если припрется на поиски приключений.

Возле ворот стояли два навеса, такие, чтобы даже высокий человек спокойно вошел и сел на лавку. Мы так и сделали. В глубине потолок был пониже, и там уже помещались только здешние жители. В ряд стояли большие жестяные бочки – и лягушка меня забодай, если это не были штатные емкости родимой типовой космобазы «Приют убогого чухонца»!

Брртасмагорр отправился на переговоры, потом поманил нас. В бочках, как я и думал, было не просто спиртное. Нам дали по кружке за счет заведения, чтобы мы посидели в тенечке и молча распробовали. Так вот, если я по совокупности всего, что в жизни натворил, попаду в рай, то там буду лежать на берегу медленной реки, в которой струится этот напиток, и раз в две минуты делать сладострастный глоточек...

Гробус же сказал, что напишет в завещании: пусть его похоронят в такой жестяной бочке с напитком, чтобы и после смерти он продолжал выпитывать это диво всеми порами.

Ну, стало быть, наступило время затариваться.

Раструбоухий оратор научил Гробуса, что нужно брать для натурального обмена. Одного одеяла бешеной расцветки, десяти метров хорошего троса и стопки пластиковых стаканчиков как раз нам на четыре канистры хватило.

Нас осчастливили первыми, и мы уселись ждать боевых соратников.

Нашим раструбоухим друзьям божественный напиток залили в трубки, которыми они были обмотаны, и тут только оказалось, что трубки составляют некую сложную конструкцию. Когда она раздулась от жидкости, это было даже красиво.

Наконец дошло дело до Брртасмагорра. Его тут уже знали и, выстроившись цепочкой, стали подносить одну за другой кружки, а он все пил, и пил, и пил...

– А не треснет? – забеспокоился Гробус. Действительно, сперва было непонятно, куда подевалось литров этак двести местного нектара. Когда мы встали и подошли поближе, все стало ясно – у нашего командира вырос здоровенный горб.

– Если понемножку подсасывать, на месяц хватит, – объяснил он.

– А как это получается? – спросили мы.

– Очень просто – два или два с половиной цикла не пьешь, и тогда каналы сами раскрываются. Тут главное – научиться выводить продукт не сразу вниз, а сперва в ротовую полость, это с опытом приходит, – сказал Брртасмангорр. – Тяжеловато таскать, но оно того стоит.

Я, понятное дело, согласился, и тут у Гробуса взгляд сделался таким, не то чтобы совсем испуганным, проходимцы народ не пугливый, но... но...

А каким он должен быть, если на связь выходит начальство? А мы должны быть у себя в боксе, или в кают-компании, или даже в боксе у девчонок, но уж никак не на поверхности с четырьмя пустыми канистрами!

– Отдыхаем, набираемся сил! – рапортует Гробус незримо начальству. – Лежим вот, пьем витаминные коктейли!..

Тут горошинка, пришипленная к его уху, так зазвучала, что даже Брртасмагорр обернулся.

– Так точно, да, на поверхности... – отвечает Гробус, и вид у него пришибленный. – Сейчас же возвращаемся... что?.. Так. Понял. Выполняю.

И тут же наши раструбоухие вдруг окаменели – их, судя по лицам, тоже начальство отыскало. Последним услышал приказ Брртасмагорр.

А когда оно, начальство, вышло из всех трех каналов связи, он оглядел нас сурово, потрянул брыластой башкой и сказал:

– Ну что, детки, переходим на военное положение? Командиром группы назначен я. Задание все поняли?

Задание было – раз уж мы на поверхности, то следует подстеречь, изловить и доставить на орбитальную некую дурацкую экспедицию, которая непонятным манером оказалась в данной местности, ну и так далее – сами знаете, что пишут в приказах.

– Ничего себе! – говорю. – Тут сколько квадратных миль! Да еще джунгли! Их и всем боевым экспедиционным флотом за десять лет не прочтешь!

– Не извольте беспокоиться, благородный обалдуй, – через транслейт-микрофон отвечает мой приятель-раструбоухий. – Мы имеем познания, где сии почтенные посетители намерены шариться и кантоваться!

– Поймаю, кто его кастрировал – удавлю, – шепнул мне Гробус. Он имел в виду программный блок транслейт-микрофона, понятно.

И повел нас Брртасмагорр какими-то дебрями и буераками, и повел, и повел! Ох, и сопели наши боевые соратники! Мы-то оставили канистры под навесом, а они уже не могли перелить дивный напиток из своих трубок обратно в бочки. И Брртасмагорру досталось – он же в горбу двести литров блаженства волок.

Вывел он нас к полю. Немаленькое такое поле, и все кустиками утыкано – листочки голубые розетками, из них стебельки с метелочками торчат, метелочки желтенькие, пыльца над ними серебристая летает. Сплошное умиление.

Мы на поверхность опустились не с пустыми руками. Худо-бедно, а сканеры при себе имели. Поэтому почтенных посетителей выследили довольно быстро и взяли в окружение.

– Главное – любезность! Нельзя без любезности! – сильно беспокоились раструбоухие. – Без таковой запахло.

– Ну, попробуйте, – позволил Брртасмагорр.

Их было пятеро мужчин и еще девушка. Все – земного роду-племени, все в полевом обмундировании и, кстати, при оружии – оружие я чую, но не носом, а чем – догадайтесь сами.

– Не извольте беспокоить себя, – сказал им мой приятель-раструбоухий. – Мы почтительно просим и достойно умоляем сваливать.

– Не имеете права, – сказал мужчина, очевидно, бывший старшим. – У нас мандат Академии биологических наук, и Академии астробиологических наук, и Академии прикладной биологии...

Как пошел перечислять эти академии, доставая пластиковые именные карты-мандаты, как пошел сыпать всякими сердитыми словами – мы, оказывается, прерывая экспедицию, наносим всегалактической науке бешеный вред. Послушать – так шестерых сволочей, подобных нам, Вселенная еще не видала. И про нарушение права человека на познание он тоже загнул, куда ж без этого!

Брртасмагорр поднял когтистую лапищу, призывая нас, стоявших за его спиной, молчать во что бы то ни стало. Когда поток красноречия стал мелеть, он позволил оратору замолчать самостотельно. И тот замолчал.

– Очень хорошо, – сказал Брртасмагорр. – А сейчас вы оставите тут все, что накопили, и погрузитесь в свой челнок.

Повторяю – нас было шестеро, и их – шестеро. Но они – все молодые, поджарые, вооруженные, а мы, если вдуматься, безоружные. К тому же раструбоухие еле шевелятся в своих огромных надутых жилетах из трубок, а наш командир весит больше, чем было бы полезно в хорошей драке.

Стрелять они начали без предупреждения.

Брртасмагорр крикнул, выпустил крокодильи челюсти и кинулся в атаку.

Гробус у нас считался лучшим по экстрим-самбо. Он схлопотал пулю в плечо, но отнял трехствольник у девицы. Раструбоухие соратники втроем насели на одного. А четверо этих ученых гадов кинулись бежать. Один прихрамывал, другой нес правую руку в левой – это уже была работа Брртасмагорра.

– Догони! – крикнул Брртасмагорр. – Нельзя, чтобы улетели! Нельзя!

Он лежал на боку среди кустиков, а из груди били вверх прозрачные фонтанчики.

Я выдернул у жертвы троих раструбоухих большой плазморезак и побежал, куда велено, Гробус, дико ругаясь, – следом.

В нас стреляли, мы тоже стреляли. И так – пока не оказались возле их челнока.

Рядом с люком стояли длинные пластиковые ящики, очень похожие на гробы. Казалось бы – прыгайте, ребята, в люк и уносите ноги, потому что вооруженное нападение на группу кадровых офицеров Солидарных сил – дело подсудное. Так нет же – двое залегли и стали поливать нас белым огнем, а другие двое – заталкивать в челнок первый ящик.

Нам тоже пришлось залечь. И дело шло к тому, что они безнаказанно улетят, а вот мы останемся...

– Ничего! – крикнул Гробус. – Брртасмагорр сейчас свяжется с орбитальной! Далеко не убегут!

– Если он жив, – ответил я, регулируя резак, потому что заряд уже иссякал. – И сдается мне, что их там, наверху, ждет кто-то, кому начхать на нашу орбитальную.

– Но какого черта?! – спросил он.

И тут черт явился – собственной персоной.

Долго объяснять, какие расы в том году ссорились с нами и мирились, с кем и против кого мы объединялись. Этот голубчик, похожий на покрытого шерстью тритона, был как раз самым непримиримым врагом – из тех, что живыми в плен не сдаются. И на черта был здорово похож – имел рога и ярко-красную пасть.

Вот тут мы и вздрогнули.

Если он догадается, что мы – винноводочный десант с орбитальной, полетят от нас клочки по закоулочкам...

Он догадался. Он поднялся на самые задние лапы и заревел инфразвуком.

А потом он взял челнок за шасси и элегантно перевернул вверх дном.

Мы зажмурились, но ненадолго.

Наши противники переориентировались и попытались его подстрелить. С тем же успехом можно стрелять в бетонную плиту стационарного космодрома, а плазморезака у них больше не было.

Он сделал такой прыжок, что кенгуру бы обзавидовался, и сгреб наших противников в охапку. Потом этот зверюга свободной шестой конечностью открыл боковой люк челнока и, хватая брыкающихся ученых мужей как попало, запихал их туда всех четверых. После чего люк закрыл, сам вскочил на челнок и хорошенько на нем попрыгал – чтобы все несущие конструкции перекосило и люки как следует заклинило.

Убедившись, что из этой мышеловки без сварочной техники не выбраться, он повернулся к нам.

– Это ваши дураки, козлы, суки позорные, – сказал он, без всякого транслейт-микрофона, с невероятным акцентом, но с очень правильной интонацией. – Не наши. Вы забирайте.

И пошел прочь, таща за собой небольшую цистерну на воздушной подушке.

Когда он скрылся за поворотом лесной тропы и за поросшим лиловой травкой холмом, я усилием воли стряхнул с себя столбняк и пошел разбираться.

В гробах были те самые растеньица с желтыми метелочками, выкопанные вместе с почвой. Наши противники заботливо поместили их на подушки из питательного субстрата.

Гробус, пока я раздирал ему рукав, накладывал повязку и делал экспресс-инъекцию, вышел на связь с орбитальной и доложил обстановку. Оттуда велели охранять покореженный челнок до победного конца.

Гробус вспомнил, что наш собственный челнок стоит застопоренный, а это чревато. Ему велели положить туда Брртасмагора и передать управление на орбитальную – они сами и поднимут, и проведут, и посадят челнок, нашей помощи не требуется.

Тогда он остался при покореженном челноке, а я пошел обратно – помогать Брртасмагору.

Картину я застал печальную – двое раструбоухих приятелей валялись на земле, кажется, без сознания, а их пленник и девушка куда-то подевались. Третий раструбоухий и большим трудом, потому что от трубочных доспехов конечности стали совсем короткие, накладывал Брртасмагору пластыри на грудь, но без толку – фонтанчики так и норовили пробиться. Я опустил рядом на корточки.

– Ты, друг, давай держись, – сказал я. – Потерпи немного, что ли? Сейчас я тебя затащу в челнок, а на орбитальной встретят.

– Трата времени, – ответил он, но я все равно помог ему сесть, обхватил и потащил, и раструбоухий помогал.

До нашего челнока было минут десять ходу, и Брртасмагор, который чувствовал себя все хуже, уже стал изъяслять последнюю волю.

– Слово дай, – просил он. – Что поймаешь самочку и самца... Их нельзя упускать, их судить надо, нашим походным судом, по закону Оммерсхаймера...

И тут нам повезло!

Навстречу по тропе продирался тот самый бронебойный десантник, которого мы тут уже встретили. А может, и не он, а его родной братец. Когда у них чешуя дыбом и закрывает морду, не понять. Или даже сестрица – говорят, у них и девочки служат.

Мы остановились и он остановился.

По идее, следовало уступить ему дорогу, потому что сам он – как вездеход, да еще тащит за собой прицеп, на котором в ряд – шесть высоких емкостей с узкими горлышками. Но не могли же мы кидаться в кусты с раненым.

Десантник все понял, покивал башкой и высунул язык. Ничего себе такой язычок, зеленый и сантиметров в сорок.

– Нет, не получится, – сказал на это Брртасмагорр. – До брачного сезона еще далеко.

Десантник подошел совсем близко. Этот жутковатый язычок вытянулся еще больше и острым кончиком коснулся груди Брртасмагорра. Тот вскрикнул.

Я не сразу понял, что тут творится. А это наш смертельный враг, зная свою особенность, пытался прижечь сосуды в Брртасмагорровых ранах. И кое-что у него даже получилось.

Потом он попрыгал и ушел.

– Да что же тут у вас творится? – спрашиваю я, хотя уже догадался. Но повозмущаться-то надо.

– Благоволите тащить дальше тело, уважаемый обалдуй, – ответил раструбоухий приятель.

А чего ж тут не догадаться?

Спиртное такого качества, что все эту местность берегут, как зеницу ока, лишь бы с плантациями, где растут кустики, и с местными жителями, умеющими изготовить из метелочек дивный напиток, ничего не случилось. Ни в Солидарных силах, ни у противников таких дураков нет, чтобы это чудо губить.

Разумеется, время от времени хоть одна фляга попадает в мирные края, далекие от зоны боевых действий. И тут же находится умник, у которого вместо мозгов – портативная машинка для считывания пластиковых кредитных жетонов. Он тут же начинает считать: если развести гигантские плантации на подходящей планете, да освоить технологию, да поставить все это дело на поток, будут бешеные дивиденды! И он нанимает каких-то отставников, или девчонок, которых не пускают в Глубокий Космос, или я уж не знаю кого, и снаряжает экспедицию за рассадой, и платит бешеные деньги, чтобы присутствия на орбите совершенно лишней системы двое-трое суток не замечали.

Но он своей портативной машинкой не может понять одну простую вещь. Сейчас это место, где мастерят божественный напиток, одно на всю галактику с окрестностями. А если появится второе, и третье, и четвертое, и оттуда повезут во все концы огромные цистерны этого райского блаженства, то маленькая планета сразу потеряет свой статус и действительно окажется в зоне военных действий. Ее просто перестанут щадить. Она – не союзник и не противник, она – просто объект, который начнут делить союзники и противники, пока от него не останется мокрое место.

А когда владельцы гигантских плантаций начнут друг другу пакостить, и подпускать всякую заразу, плесень и гниль, и когда плантации на других планетах благополучно загнутся – уже не будет ни одного куста, чтобы все начать сначала.

Точно так же рассуждают и наши враги, чтоб они были живы и здоровы. Потому что и у них есть штатное спиртное, и у них оно кончается раньше, чем сухой паек и боеприпасы.

Вот как оно получается с точки зрения экономики.

Но Бртгасмагорр, когда я его, обремененного двумя сотнями литров, затаскивал в челнок, бормотал совсем другое.

– Понимаешь, нельзя, чтобы погибло это местечко, где нам начхать на политику... где враги могут оказаться рядом, за одним столом, с одним пойлом в кружках, и не тронуть друг друга... нельзя, чтобы мы без этого остались, слышишь?.. Должно же быть место, куда приходят нормальные мужики, бойцы, и каждому нальют кружку... Должно, слышишь? И мы все будем его беречь... чтобы сволочи ни одного кустика не украли...

Другой, так сказать, взгляд на проблему.

Во-первых и во-вторых.

Да, а в суд на нас с Гробусом эти бездельники все-таки подали. Они утверждали, что это мы их законопатили в челнок, где им пришлось просидеть без еды и воды двое суток – пока сломанный челнок не доставили на орбитальную. И даже не сами, а в преступном сговоре с вражеским разведчиком.

Не надо было им этого делать. Тут же пошел встречный иск о клевете, наше начальство оплатило толковых юристов, и им же еще выписали штраф за то, что незаконно забрались в зону боевых действий. Плюс резекция памяти, как это бывает, когда дело касается военной тайны. Все по закону! Больше их в тех краях не видели.

А божественный напиток мне иногда присылают. И я пью его точно так же, как пил когда-то штатное спиртное перед едой – по тридцать грамм для аппетита. Теперь это для меня самая разумная доза...

Рига

2005

Тридцать три невесты

Итак, ребяташки, на чем мы вчера остановились?.. Анализировали маршрут экспедиции Клауса Гердера. Насколько я помню, проанализировали и нашли все восемнадцать ошибок, которые сделал Гердер. Но, с одной стороны, мы их нашли и даже составили список, а с другой стороны – мы забыли задать себе вопрос: а как вообще могло получиться, что опытный капитан Гердер совершил эти ошибки? Даю подсказку – какую из них следует считать первой?

Ох, детки, детки...

Ладно, скажу сам. Первая была – за десять лет до экспедиции, когда Клаус Гердер женился на Мэри Орнано... Чего ржете?! Чистая правда.

Не надо жениться на тоненьких глазастых девочках из релакс-зоны. Это – акулы. Это – паучихи. Знаете, что у некоторых видов пауков самка после страстных объятий откусывает голову самцу? Ну вот, Мэри Орнано откусила голову капитану Гердеру. И дальше он летал уже без головы.

Она стала вить гнездо.

А знаете, что женщине нужно для полноценного гнезда? Не просто дом, мебель, детки, цветочки. Ей нужно, чтобы все соседи померли от зависти.

Вот именно поэтому Гердер хватался за все, где только можно заработать деньги. Когда Институт палеоконтакта получил по завещанию сумасшедшего миллионера какие-то невероятные миллиарды при условии, что удастся найти наших предков на шестой Альфы Центавра, Гердер из шкуры вон лез, чтобы стать капитаном экспедиции. Ну и стал.

Он подписал контракт, по которому получал гонорар, достаточный, чтобы купить собственную орбитальную станцию. Думаете, Мэри Орнано пришла в восторг? Она изругала Гердера последними словами – мол, плохо торговался. И он ушел в экспедицию, имея в голове одну мысль: где бы еще раздобыть денежек.

Сынок, вытащи-ка в голокуб крейсер «Золото Рейна», поверни его правым боком, теперь дай вид сверху. Человечка, человечка поставь возле люка, чтобы был понятен масштаб!

«Золото Рейна», чтоб вы знали, Институт палеоконтакта не купил, а взял в аренду. Сэкономил! А почему арендная плата была меньше обычной – никто спросить не догадался. Правду обнаружил Гердер, когда знакомился с крейсером.

Собственно, не было большой беды в том, что в грузовых отсеках были сняты кое-где перегородки и устроены такие емкости, вроде цистерн хитрой формы. «Золото Рейна» лет десять назад, когда оно еще называлось «Аривара Нарихира», экологи использовали для перевозки редких животных. Гердеру вообще грузовой отсек был без надобности. Но отстегнуть и оставить в порту приписки – сами понимаете, он не мог.

Вытаскивать эти цистерны и восстанавливать грузовой отсек в девственном виде – не просто сложно, а очень сложно. Деталей не помню, а помню только, что при установке всей этой дребедени что-то жизненно важное повредили, так что лучше грузовой отсек лишний раз не трогать. То есть, трогать-то можно, но ремонт обойдется больше кадастровой стоимости всего «Золота Рейна». Вот почему арендная плата была процентов на пятнадцать ниже нормальной.

Так вот, взяв на борт компанию шарлатанов в количестве десяти человек и компанию ветеранов разведкорпуса в количестве двадцати человек, чтобы охранять шарлатанов и бить их по рукам, если полезут куда-то не туда, Гердер стартовал и взял курс на первый портал, откуда мог прыгнуть приблизительно в сторону Альфы Центавра. Тогда уже научились

отслеживать эти блуждающие порталы, но куда крейсер вывалится после прыжка, Гердер имел темное понятие.

А теперь – немного про ветеранов разведкорпуса. Если человеку осточертели говорящие вулканы, живущие в стратосфере крылатые червяки, хроноклазмы планетарного масштаба и растения, способные всосать в себя и переварить грузового робота, то он может уйти на пенсию в сорок лет. Многие так и делают. Но, посидев дома с полгода, они начинают тосковать и нанимаются на не слишком сложную работу. Так, чтобы задницей к дивану совсем не прирасти.

Когда Гердер вызвал меня на связь, мы с Гробусом мастерили перегонный куб. Кто такой Гробус? Хм... Почитайте в учебнике главу о конфликте с Амангельдой. Там есть эпизод, когда разведкорпус высаживается на спину тамошнего плавучего чудовища, вроде огромной черепахи. Так вот – сумасшедший, который прыгал по голове этой черепахи, чтобы заставить ее двигаться в нужном направлении, и был Гробус.

Мы уточнили условия, подумали и согласились. Работа предстояла несложная, суточные нам обещали приличные, а до того времени, когда нас обоих пригласили преподавать в высшем училище разведкорпуса, еще оставалось лет пятнадцать. Земных лет, ребяташки. Это больше, чем вам кажется.

Мы еще думали – брать ли с собой перегонный куб. И решили – брать, в полете доработаем, и будут у нас тихие мужские радости...

Повторите вопрос, курсант! Ах, в учебнике нет фамилии «Гробус»! Естественно, нет. Когда вы натворите в космосе столько, чтобы попасть в учебники, там под вашей физиономией будет подписано «Родриго Перфильев», а не «Засранец Род»... Ну, хорош бы я был, если бы не знал, как вас прозвали после того печального случая в аэродинамической трубе!

Очень давно профессор Виленский проспори́л свою голову. Ему пришлось обречься наголо и вытатуировать на черепе карту звездного неба – без подробностей, главным образом зодиак, в двести пятьдесят шесть цветов. А как из Глобуса он стал Гробусом – объяснять, я считаю, незачем. Ну да, профессор Виленский, кто же еще...

Так вот, мы прибыли на борт с четырьмя большими сумками багажа, разместились в каютах, познакомились с шарлатанами и взялись за свой перегонный куб, потому что других дел пока не предвиделось. Да – еще мы, ветераны, составили график дежурств в капитанской рубке. Это было необходимо – дежурить там попарно.

Господа из Института палеоконтакта оказались склочниками и интриганами. Они повадились бегать к Гердеру, чтобы кляузничать и ныть. Когда он пытался выставить их из рубки, они закатывали истерики.

Ну, вроде, вводная получилась очень подробная. Стало быть, действующие лица этой трагедии – Клаус Гердер, штурман Бванга Нгуенга, врач Ван Ду Фу и мы с Гробусом.

Пять человек, находившихся в рубке, когда нас вызвал на связь незнакомый борт.

Мы вышли из прокола в очень удачном месте – почти в кубе пересечения трасс, где можно было напороться на наших союзников по Амангельдийскому конфликту – сами посмотрите в учебнике, на что они похожи, все пять рас. Но там же выскакивали из проколов и совершенно непредсказуемые сюрпризы.

Неопознанный борт как раз и был таким сюрпризом. Но мы хоть имели туманное представление о порте его приписки. Когда мы приняли его позывные, Бванга сразу задал нужную программу транслятеру.

– Двигатель «Шестиногий хвостатый», – так буквально перевел транслятер обращение. – Просит помощи за материальную компенсацию.

Гердер насторожился.

– Предлагает за единицу груза эквивалент эталонной унции фербеллина. Доставка...

Тут транслейтер назвал точные координаты, которые к вам, ребяташки, не имеют ни малейшего отношения.

– Для этого нам придется сделать приличный крюк, – ответил Гердер, но по его лицу мы поняли: согласен на какой угодно крюк, только перед нами неловко. Унция фербеллина – это вообще-то годовое жалование капитана дальних трасс.

– Нам известно, – согласился транслейтер. – Это оплачивается.

– Но... но... у нас проблемы с грузовым отсеком, – совсем уж жалобно бормочет Гердер. – Мы бы охотно помогли, но грузовой отсек...

– Мы просканировали ваше судно, – отвечает транслейтер. – У вас есть подходящее помещение для нашего груза. У других такого нет. Ваша атмосфера – наша атмосфера. Поэтому обращаемся. Дело выгодное. Аванс хороший. Груз не беспокойный. Тихий, мирный груз. Шуметь не будет.

– Он живой? – спрашивает озадаченный Гердер.

– Живой весьма. Совершенно разумный... – тут транслейтер делает очень выразительную паузу. – Насколько это вообще возможно.

– Не хочу рисковать, – заявляет Гердер. Но в голосе звучит мольба: уговорите меня, уговорите меня!

– Груз может подписать конвенцию. Весь. Любым способом. Может всю дорогу спать. Это опционально.

– Спать? – тут Гердер задумался. – А много этого груза?

– Примерно восемьдесят земных центнеров. Вместе с кормом и гигиеной.

– Хм...

Сами понимаете, ребяташки, для такого крейсера, как «Золото Рейна», это, это... ну, как для вас – коробка с китайским завтраком.

Гердер стал торговаться и выторговал и себе, и нам, Гробусу и мне то есть, повышенную ставку. Отдельно оговорили вознаграждение штурману и врачу – только потому, что они случайно оказались в рубке во время переговоров!

Потом транслейтер отключился, а мы устроили военный совет.

Встал вопрос – что делать с нашими шарлатанами, да и с нами заодно? Мы с Гробусом посоветовали уложить шарлатанов в анабиозные ванны, потому что знать правду им незачем. Они и так бегали к Гердеру ябедничать друг на дружку, а что будет, если крейсер изменит маршрут? Они же, когда вернутся в свой Институт палеоконтакта, первым делом донесут обо всем начальству. Оставалось восемнадцать ветеранов.

А у нас, если вы помните, был при себе недоделанный перегонный куб.

– Все очень просто, – говорит Гробус. – Мы доводим конструкцию до совершенства и пускаем в оборот каждый день литров по сорок отличного спиртного. Что такое разведкорпус – я знаю. Если ребят поить регулярно, они не заметят, даже когда мы возьмем на борт филакрийского осьминога, а он, дай ему филакрийские демоны здоровья, может поковырять в зубах Эйфелевой башней.

– А закуска? – спрашивает умный Ван Ду Фу.

Закуска рационом не была предусмотрена. Вообще наше питание больше всего подходило для детского госпиталя – одни витамины, да клетчатка, да последние достижения диетологии. Кстати, ребяташки, имеет смысл брать с собой в рейс соленые огурцы в штатной емкости для петриола, она гибкая, ее легко к брюху примотать и пронести на борт. Правда, отмывать придется долго, и все равно у огурцов будет какой-то загадочный привкус,

и не каждый желудок согласится с этим привкусом, но такая закуска все же лучше тюбика с перловой кашей.

Мы вспомнили, как однажды перепрограммировали кулинарный автомат – и как раз с этой же целью. Бванга обещал поколдовать, чтобы на выходе было что-то вроде копченых соевых сосисок. В общем, к часу погрузки мы запугали наших шарлатанов метеоритным дождем, показав им запись этой беды из штурманской энциклопедии Бванги. Пока мы распихивали их по ваннам, всюду трудился перегонный куб. Гердер пригласил ветеранов отметить день рождения, и к моменту стыковки мы имели восемнадцать блаженных тел без малейших признаков разума.

Так вот, люк... Сынок, сними-ка с голограммочки наружную стенку. Да, вот именно сюда поочередно пришли четыре катера нашего нанимателя. Первым делом мы выгрузили то, что транслейтер назвал «гигиеной». Это были большие мешки, в которых колыхалась, как потом обнаружилось, густая жидкая грязь. Мы с Гробусом на карах доставили их в грузовой отсек и при помощи порталных кранов разложили по цистернам. Вот, вот, видите – это опоры порталных кранов...

Затем явилось лицо, сопровождающее груз...

Ну, лицо – это слишком красиво сказано. Первые две экспедиции, побывавшие на Тауринде, поверили датчикам, показавшим состав атмосферы фактически идентичный земной. Но он там бывает таким примерно полгода. Потом начинает цвести эта проклятая лилия Меркуса, и тот, кто подышал ее пылью, разбухает, как на дрожжах. Человек изнутри становится этой самой лилией, будь она неладна! Несколько парней удалось спасти, остальные укоренились и потом цвели, как ненормальные, даже в скафандре было страшно подойти.

Так вот, вылезло сопровождающее лицо, формально – человекообразное, но с физиономией воооот такущей, мало чем поменьше аварийного люка в ремонтном катере. Красота у него была такая: все то же, что на человеческой роже, только растянутое вширь на полметра. Ну и рот, соответственно, как у хищной лягушки. Весило это лицо примерно полтора кила и было одето в парадную мантию из красных и бурых листьев. Да, и еще – оно было покрыто мелкой лиловой чешуей. А на груди висел транслейтер. Живописное, доложу я вам, чудище.

Мы с Гробусом переглянулись, а во взгляде вопрос, один на двоих: когда перегонный куб выдаст следующую порцию?!

Все бы ничего, но запах гнилого болота...

– Доктор Кырдык, – представилось чудище. Тут мы с Гробусом еле устояли на ногах.

Кырдык объяснил Гердеру, что сопровождает груз, а груз – тридцать три девственницы той же самой породы. И, чтобы у нас не осталось вопросов, описал ситуацию.

Эти человекообразные, называющие себя мырриями, были довольно умелыми трассовиками и колонизировали несколько крупных астероидов на трассах, ведущих к подходящим для них звездным системам. Естественно, обживали эти астероиды чешуйчатые мужчины. И, когда все там было обустроено, они запросили свое начальство на предмет невест.

Невестой космического строителя может быть только девственница, это – главное. Выйти замуж за такого героя – большая честь. Был объявлен конкурс и собран первый девственный десант. Кырдык строго сказал, что мы не должны облизываться на этих невест – не для нас они себя хранят. Мы поклялись, что будем мужественно сдерживать свои страстные порывы.

На самом деле у нас с Гробусом был один страстный порыв на двоих: лечь в анабиозную ванну, да поскорее! Чтобы не видеть эту процессию...

После того, как Гердер подписал контракт с феноменальной неустойкой (особо оговаривалась неприкосновенность девственниц) и отправил его в нотариальную контору бли-

жайшей мыррийской колонии, Кырдык и наш Ван Ду Фу развели красавиц по цистернам. Обнаружилось полное соответствие – они прекрасно разместились по трое в каждой, поверх мешков, потом мешки продырявили – и наступило для них мыррианское счастье. Из грязи торчали только ноздри.

– Для красоты и любовного призыва, – объяснил доктор Кырдык. – Целебный состав, который улучшает кожу и придает ей изумительный аромат.

– И что, они всю дорогу будут так сидеть? – спросил Гердер.

– Мы обещали, что с ними не будет проблем, – ответил Кырдык. – Они тихие и благовоспитанные, как положено девственницам.

Н-ну... тихими я бы их не назвал... Они перекликались, испуская трели и свист. Если закрыть глаза – кажется, будто ты в джунглях Амазонки.

Кырдык занял огромное корыто, в котором прежние арендаторы «Золота Рейна» устроили грядку с укропом и петрушкой, мы выдали ему несколько ведер воды, и наше безумное судно взяло курс на жениховский астероид.

– Сколько такая невеста может весить? – спросил Гробус, когда мы шли к своей каюте. – Не меньше двух центнеров?

– Кило сто семьдесят, пожалуй, – ответил я. И, как оказалось, ошибся. У мырриек было принято при первом знакомстве раздувать шейные и брюшные мешки, чтобы казаться больше и привлекательнее. Мы с их точки зрения были совсем негодными самцами, и они раздулись из чистой вежливости.

Потом мы занялись кубом и, честно говоря, злоупотребили его продукцией.

Пока мы расслаблялись после потрясения, незаметно уснули и проспали часов пять, «Золото Рейна» вышло к неожиданному порталу. Приборы показали, что нырять можно. Бванга пытался отговорить Гердера, потому что в лонциях он такого блуждающего портала не нашел. Но Гердер попросил его сделать расчеты и понял, что так мы гораздо скорее попадем к нужному астероиду. Они поссорились, потом помирились, и «Золото Рейна» вошло в портал.

Нас разбудил гудок тревоги.

Для человека, который выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел, такие сигналы – смерть. Но мы с Гробусом встали, кое-как утвердились на ногах и пошли в рубку. Там собрались Гердер, Бванга, Ван Ду Фу и Кырдык. Одно то, что Кырдык в рубке, было дурным знаком – выходит, положение опасное.

– Нас атакуют, – сказал Бванга. – Этот проклятый портал оказался синкрессионно ориентированным по пяти позициям!

– Ага, – ответили мы.

– Делайте что хотите, но разбудите ветеранов, – приказал Гердер.

– Невозможно, капитан! – доложил Гробус.

– Если они в таком состоянии припрутся в рубку, вас это не обрадует, – добавил я. – А кто хоть атакует?

Транслейтер исправно переводил нашу беседу Кырдыку. Это были довольно тихие трели и скрипы. Вдруг Кырдык заорал – и мы чуть не оглохли. Это было хуже, чем ревун на Ганимеди-Втором, который должен покрыть двести километров.

– Я говорил! Я предупреждал! Я требовал конвой! Им жалко унции фербеллина! – взывал Кырдык. И мы поняли, что не только Институт палеоконтакта хорошо сэкономил, арендовав «Золото Рейна», но и мыррийское начальство – наняв Гердера для перевозки девственниц.

Так вот, ребяташки, атаковали нас мыррийские пираты. Им, понимаете ли, тоже хотелось девственниц. Они умели рассчитывать эту здешнюю синкрессионность, а Бванга – нет, вот они нас и подстерегли.

От них пришел ультиматум – мы должны передать им девственниц и проваливать хоть в преисподнюю.

– Да что такого в этих девственницах?! Почему из-за них такая суета? – удивились мы с Гробусом.

Кырдык объяснил. Оказывается, первый мужчина оставляет в девственнице что-то вроде ментального маяка. После чего она сорок два цикла может принимать только его, первого, – пока маячок не погаснет. Это значит, что верность мыррийской супруги гарантирована почище вклада в «Сириус-банке». Мы спросили, сколько длится цикл, но ответ был увязан с оборотами двух дневных светил и четырех ночных, так что мы ни хрена не поняли.

– А они за невест уже заплатили! – взывал Кырдык. – Это же бешеные деньги! Мое бюро разорится!

– И тут деньги... – пробормотал Гробус. – Что же делать?..

– Им нужны именно жены? – уточнил я. – Пиратам нужны жены?

– Да! – рявкнул Кырдык. – Взять в жены девственницу – это же великая удача!

– Это у вас такая редкость? – спросил Гробус.

– У нас вообще женщин мало рождается, – признался Кырдык. – А есть еще такие, которые не хотят выходить замуж. Они ищут докторов и что-то такое делают со своим циклом. А потом меняют мужчин! Представляете – они сами, по своей воле, сходятся и расходятся с мужчинами! Куда катится мир?!

– Как мы можем оборонять судно? – поинтересовался тогда Гробус у Гердера.

– Никак, – признался Гердер.

Институт палеоконтакта мог арендовать судно с полным боекомплектом. Но всех сбילה с толку экономия. А «Золото Рейна» хоть и числится крейсером, но ни одного разрядника даже не имеет. Вот такая беда.

– Они не станут нас расстреливать, – сказал Бванга. – Им нужны девственницы, а не космическая пыль. Значит, бросят на нас десант с резаками. Если они просканировали нас, то знают, как отрезать рубку от грузового отсека. После чего судно станет жестяной, неспособной выполнить даже торможение. Я складываю с себя полномочия и ухожу.

– Куда? – спросил Ван Ду Фу.

– К предкам.

Бванга недавно вернулся к вере своего народа, вставил в нос два кольца и вывешивал поверх комбеза ожерелье из фальшивых клыков леопарда. Его понятие о чести было, на наш взгляд, чересчур уж строгим. Он взял деньги за работу, но не смог ее выполнить из-за форс-мажорных обстоятельств – ну, случается! Это не повод перерезать себе глотку осколком ритуального каменного ножа.

Мы с Гробусом переглянулись. Терять штурмана мы совершенно не желали. И, опять же, нас посетила одна мудрая мысль на двоих: куб! Нужно было заманить Бвангу в нашу каюту и напоить до поросычьего визга. А пока он будет отлеживаться, мы что-нибудь придумаем.

Или мы не ветераны???

– Капитан, если мы хотим сохранить судно и продолжить экспедицию, придется впустить пиратов, – сказал Гробус. – Тихо, тихо, про девственность я знаю! Но лучше заплатить неустойку, чем остаться на мертвом судне хрен знает в каких космических гребнях. Возьмите себя в руки, капитан! В конце концов, это наше судно, и мы знаем его особенности, а пираты – нет.

– Можно приготовить им ловушку, – добавил я. – Главное – потянуть время, чтобы успеть приготовить ловушку. Да что вы, в самом деле, капитан! У вас есть два трезвых вете-

рана разведкорпуса! Гробус, беги, принеси нашу продукцию, хотя бы грамм триста. И емкости не забудь!

Конечно, он притащил больше. Мы разлили продукцию, причем самая большая порция досталась Гердеру, и Гробус произнес любимый тост разведки:

– Ну, за успех нашего безнадежного дела!

Доктор Кырдык не очень понял смысл ритуала, но честно выпил свои двадцать пять грамм – больше ему наливать мы не рискнули, черт его разберет, этот мыррийский метаболизм.

– А теперь я пошел к предкам, – вдруг сказал Бванга.

– Гробус, беги за продукцией, – шепнул я. – Друг мой Бванга, мы все уважаем твое решение и не станем тебе мешать. Это честное решение настоящего мужчины, это твой выбор, предки будут тобой довольны... Господин Ван, что по этому поводу говорил Конфуций?

Наш судовой врач, естественно, конфуцианец и всегда охотно рассказывает истории из древней китайской жизни. К тому же, он не дурак! Он понял мой замысел и открыл рот...

– Во времена династии Чжоу, в царствование славного императора Чэнь-вана... – торжественно начал он, и я вздохнул с облегчением: Бванга не станет перебивать старика, иначе ему достанется от предков, а Ван Ду Фу наверняка подкинёт ему ценных идей, как следует этих самых предков ублажать.

– Пришел ультиматум от пиратов, – похоронным голосом сообщил Гердер. – Или мы выводим к ним девственниц, или они идут в атаку.

– Куда выводим? В открытый космос, что ли? – удивился я. – Капитан, скажите им, чтобы еще раз просканировали судно. Если они найдут катер, в который можно поместить тридцать три здоровенные туши, то я этот катер съем! И даже без кетчупа!

Вообще-то он нашей посудине полагался. Но его еще экологи куда-то подевали, а вместо него притащили катеришко на четыре персоны, и как им удалось, возвращая судно, обвести вокруг пальца его хозяев, – не спрашивайте, не знаю, могу только подозревать.

Да и этот, на четыре персоны, мне большого доверия не внушал. Мы с капитаном поспорили о его недостатках, но каждый остался при своем мнении.

Прибежал Гробус, принес продукцию, мы отвлекли Ван Ду Фу от культа почитания предков при династии Мин и героическим усилием влили в Бвангу примерно пол-литра. Эту проблему, стало быть, решили.

Оставались девственницы.

– Капитан, а что, если их лишить девственности? – спросил я. – Тогда они уже не нужны пиратам, их жизни ничто не угрожает, и...

– Ты сам этим займешься?

– Н-ну-у-у-у... По-моему, ответственность за такой акт должен взять на себя старший по званию, – предположил я.

– Неизвестно, может ли земной мужчина проделать это с мыррийской девушкой, – заметил Гробус. – Доктор Кырдык! Что вы об этом думаете?

Доктора не было!

Он исчез вместе с транслейтером.

Вот тут-то мы и охнули. Ведь он слышал все, что мы наговорили про маленький катер. Ситуация сложилась такая, что впоследствии, когда мыррийское начальство начнет разбираться, немало шишек рухнет на докторскую голову – или что там у них растет вместо шишек? Кырдык связался с каким-то подозрительным судном, он на свой страх и риск загрузил туда мыррийское сокровище – тридцать трех девственниц, а насколько строгое там законодательство – мы могли только предполагать. В архивах разведкорпуса есть доклады

о всяких карательных мерах, и я не удивлюсь, если доктору грозило лишение чешуи особо извращенным способом.

Он мог податься к пиратам и предупредить их о нашем плане устроить ловушку...

И у нас не было времени устраивать походный вырезатель для тех восемнадцати ветеранов, которых мы сами же и напоили!

– Так-так-так... – забормотал Гробус. – Камеры слежения!

Они в транспортном отсеке имелись. Но что с них пользы? Если Кырдык там, то мы просто не успеем ему помешать. Катер имеет автономное управление, и знающий человек легко может отключить централизованное. Кырдык, конечно, не человек, но настолько его лягушачьих мозгов хватит.

– Тем хуже для него, – решил Гердер. – В конце концов, за девственность отвечает он. А мы отвечаем за груз.

Итак, к моменту, когда в люк вползет первый пиратский катер, девственницы должны быть лишены девственности. Вперед!

– Я буду контролировать процесс, – сразу заявил Ван Ду Фу. – Мне семьдесят четыре года, я и с одной-то не справлюсь. Но могу помогать советами.

– Тридцать три на троих – это одиннадцать, – посчитал Гробус.

– На двоих, – поправил Гердер.

– Это почему же?

– А я осуществляю общее руководство.

– По шестнадцать с половиной, что ли? – осведомился я. И, поскольку это было невозможно, мы с Гробусом яростно заспорили, кому – шестнадцать, а кому – семнадцать. В процессе мы на несколько минут забыли, что речь не о земных, а о мыррийских девицах. Вспомнили – и сразу заткнулись.

А Гердер в это время уже вел переговоры с пиратами и объяснял им, что на подготовку транспортного отсека потребуется именно час. При этом он осторожно пытался выяснить, вступил ли с пиратами в контакт доктор Кырдык. Он еще не покинул «Золото Рейнв», но, возможно, уже приближался к маленькому катеру.

– Час... – прошептал Гробус. – Шестьдесят на шестнадцать...

– Три минуты сорок пять секунд.

– Черт возьми, ведь еще нужно их уговорить!

– погоди... Вот что! Нужно их вытащить из цистерн и уговаривать всех сразу!

– Уговаривать будешь ты!

– Нет, ты!

Мы сцепились и стали припоминать, кто, кого, когда и где уговаривал. Оказалось, что ни Гробус, ни я отродясь не имели дела с девственницами. Да и откуда бы им взяться в Дальнем Космосе на трассах?

А эти впридачу и чешуйчатые...

– Вы контракт подписывали? – строго спросил Гердер. – Пункт про форс-мажорные обстоятельства помните? Идите и решайте проблему!

– Транслейтер хоть дайте, капитан...

Он чуть ли не пинками загнал нас в грузовой отсек. Мы брели туда, как на эшафот. Ван Ду Фу успокаивал, как умел. Но и врачу было здорово не по себе. Кто их, мыррийских девиц, разберет – может, у них устройство какое-нибудь для землянина ядовитое, а времени на анализы нет?

Тридцать три невесты бодрствовали, перекликались нежными трелями и пересвистывались. Транслейтер доложил – предвкушают блаженство.

– Будет им блаженство... – проворчал Гробус. – Господин Ван, может, вы их попробуете уговорить? Вы человек умный, Конфуция читали... Капитан, дайте доктору транслейтер!

Ван Ду Фу собрался с духом и заговорил:

– Когда во времена династии Тан китайская медицина сделала огромный шаг вперед и появились трактаты об искусстве спальных покоев...

Тридцать три головы разом высунулись из цистерн. Мы с Гробусом охнули.

– Их же еще помыть надо!.. – простонал Гробус.

– И вытереть насухо!

– Влипли...

Мы не представляли себе, как будем обнимать этих девиц. По мыррийским понятиям, они были красавицы, а по нашим – горе и беда...

Однако другого способа спастись мы не видели. Да и этот выглядел как-то сомнительно – пираты, узнав такую новость, могут изуверчить «Золото Рейна» всерьез и надолго.

– На сохранившихся раскрашенных гравюрах эпохи Мин мы видим любовную игру мужчины и четырех женщин, – вещал Ван Ду Фу, совершенно позабыв о цели своего доклада. Девственницы слушали, приоткрыв рты.

– Доктор, переходите к проблеме... – прошипел Гробус. – Время же идет!

Но наш китаец так увлекся воспоминаниями об эпохе Мин, что Гердер силой отнял у него транслятер.

Речь капитана была такая, что короче некуда: он приказал нашему грузу немедленно приготовиться к страстным объятиям. После чего мы дружно закрыли уши.

Оказалось, девственниц этих голыми руками не возьмешь. Они, сердито скрежеща, полезли из цистерн и пошли на нас, по пути вооружаясь всем, что под руку подвернется.

Мы успели выскочить из грузового отсека, вытащить Ван Ду Фу и включить аварийные замки.

– Вот теперь все точно погребло! – сказал Гробус. – Они устроят драку с пиратами, и ценный груз будет попорчен.

– Зато мы остались живы, – пробормотал я. Когда эти девицы шли на нас, растопырив здоровенные ручищи, я как-то сразу вообразил их страстные объятия и позавидовал тому пауку, которому самочка откусывает голову.

– Ненадолго, – утешил Гробус. – Эти сволочи от злости покалечат судно, и будем мы болтаться в вакууме, теряя кислород...

Смерть от удушья представилась нам во всей своей мерзости.

– А, может, девочки их отправят на тот свет?

– Девочки безоружны.

– Так дадим им оружие!

Естественно, у нас имелись штатные стволы – антиметеоритная пушка и тому подобные штуки. Но что может натворить антиметеоритная пушка в грузовом отсеке – понимают даже малые дети. Вся надежда была на нештатные стволы, которые всеми правдами и неправдами протащили на борт ветераны.

Мы с Гробусом переглянулись – и понеслись по каютам.

Добыча была жалкой – всего-навсего охотничий арбалет. Ветераны умеют прятать оружие – по себе знаю. А времени на правильный обыск у нас не было.

– Они швартуются к транспортному отсеку, – мрачно сказал Гердер. – Придется впускать. Вот, смотрите...

Экранчик его коммуникатора показал пиратов, которые на всякий случай прихватили с собой два плазменных резака.

– Я открываю люк, – Гердер вздохнул. – И иду переписывать завещание.

Мы с Гробусом могли уйти на катере. Но восемнадцать пьяных соратников? Что любопытно, про шарлатанов мы тогда напрочь забыли.

Гердер был в таком состоянии, что мы действительно за него испугались. Он брел, не разбирая дороги, почему-то в сторону судового кухонного комплекса. И тыкал пальцем в голографический экран коммуникатора. Очевидно, переделывал завещание.

– О филикрийские демоны! Он же идет к утилизатору! – сообразил Гробус.

Это были бы прекрасные похороны – рухнуть в бак утилизатора и вернуться к боевым товарищам в виде котлет по-венериански.

Мы побежали следом, Ван Ду Фу вырвался на повороте вперед. Он-то и споткнулся о доктора Кырдыка.

Доктор лежал на железном полу и спал.

Мы стали его трясти и он просвистел такое, что целомудренный транслейтер отказался переводить.

– Что это с ним? – удивился китаец. – Дайте-ка я его обследую.

Ван Ду Фу умеет ставить точный диагноз по пульсу, по оттенкам цвета радужки, по ауре и, кажется, по электропроводимости ушных раковин. Он опустился на колени, попробовал и так, и сяк, наконец объявил:

– Но что он мог съесть? Он же все время был с нами! – удивился Гробус.

– Не съесть, а выпить! – заорал я. – Он же пил за успех нашего безнадежного дела!

– Но он только пригубил!

– Как видишь, этого достаточно.

– Ура! У нас есть оружие!

Оставался один вопрос: как заставить пиратов выпить хоть столовую ложку нашего продукта.

– Они откажутся. Они сразу заподозрят неладное, – сказал Гердер.

– Тогда надо напоить девчонок! – воскликнул Гробус. – Пьяная девственница... ну, вы понимаете!.. Мы хотя бы судно спасем! И наших!

– Кырдык – здоровый дядька, и то от капельки продукта скопытился, – сказал я. – А девочки-то весят меньше.

Как бы мы их на тот свет не отправили.

– Они вошли в грузовой отсек, – замогильным голосом сообщил Гердер.

Мы разом повернулись к экрану.

Понять, что пираты с девственницами говорят друг другу, мы, конечно, не смогли, транслейтеру такой галдеж не по зубам. Но вскоре стало ясно – они разделились на парочки. И тут такое началось!..

Кому сказать – не поверят.

Я видел брачные танцы стимфалийских псевдокроликов. Так эти чем-то напоминали...

– Ну, хоть груз останется цел, – заметил Гробус. – И корабль...

– Не останется. Пираты заберут девчонок, – возразил Гердер. – Не мешайте, я займусь завещанием.

– А красиво, – глядя на экран, мечтательно произнес Гробус. – Даже художественно. Нет, правда, наводит на эротические размышления...

– Давно же ты не обнимал подружку, если лягушачий балет наводит тебя на размышления...

Доктор Кырдык пришел в себя и сел.

– Где я и кто я? – спросил он.

Мы с Гробусом посмотрели на него сверху вниз, как взрослые на неразумного младенца. А как еще смотреть на здорового дядьку, окосевшего от крошечного стаканчика продукта?

– Девственницы! – вдруг заорал он.

Скрывать правду не было смысла.

– Вот твои девственницы, – мы показали ему экран.

– Надо что-то делать! Надо что-то делать! – завопил Кырдык. – У нас всего пять эта-
лонных периодов! Через пять периодов начнется!

Он схватился за голову и застонал. Мы не поняли, это отчаяние или похмелье.

– Ну что же, хоть посмотрим, как это делают братья по разуму, – философски заметил
Гробус. – Может, чему-нибудь научимся.

– Если ты будешь вертеться перед подругой, хлопая себя по бокам и прыгая, вряд ли
придется применить новые знания в полном объеме. К тому же, посмотри, у них совсем
другое устройство...

– Даже непонятно, как они это пустят в ход...

– Сейчас увидим...

– Сделайте что-нибудь, сделайте что-нибудь! – причитал Кырдык.

– Мы можем только выпить за здоровье новобрачных! – рявкнул я.

– За мной! – вдруг крикнул Гробус и что было духу припустил по коридору.

Я догнал его у входа в нашу каюту.

– Ты с ума сошел? – спросил я.

– Пары продукта! Где канистра из-под капусты?

– Точно!

Продукта было немало – и того, что выдал за последнее время перегонный куб, и при-
пасенного впрок. С этим страшным оружием мы понеслись к грузовому отсеку и через вен-
тиляционный люк распылили его над пиратами и девственницами.

Мы успели!

Им оказалось достаточно подышать парами качественного продукта, чтобы сперва
рухнуть друг другу в объятия, а потом, не завершив начатого процесса, свалиться на пол.

Теперь нашей главной задачей было – раздобыть нужное количество тросов, чтобы
связать всю компанию – тридцать три девственницы и восемнадцать пиратов.

Где мы взяли эти тросы?

А вот подумайте, ребяташки. Посмотрите на внутренности «Золота Рейна» и сами
сообразите, откуда мы их отцепили.

Вот почему судно оказалось там, где ему выныривать не полагалось, вот почему оно
подкралось к шестой Альфы Центавра с какой-то непонятной стороны, вот откуда взялся
список ошибок, который мы сегодня так старательно анализировали.

Правда, Гердер пытался нас надуть при окончательном расчете, а делать этого не сле-
довало. Старый хитрый Ван Ду Фу, как выяснилось, сохранил запись брачных танцев в гру-
зовом отсеке и пригрозил передать ее мыррийским властям.

А доктор Кырдык, наоборот, оказался очень благодарной рептилией. Он нам подарил
по две унции фербеллина.

Правда, нам с Гробусом пришлось несколько лет скрываться от восемнадцати ветера-
нов, очень обиженных на наш обман, но это уже совсем другая история. И никакой эротики
в ней, к счастью, нет.

Рига

2013

Четыре куста прекрасной лилии

Итак, ребяташки, на чем мы в прошлый раз остановились? На экспедиции Борнхольма и Марчевского? Ну, сама экспедиция, как вы помните, ничего особенного из себя не представляла. Обычный проход через портал, обычная работа с зондами, обработка информации, заборы проб – рутина, ребяташки. Нет, эта планеточка, конечно, по-своему уникальна. Она погубила немало наших ребят... Кто вспомнит, в чем ее особенность?

Руки на столы, господа курсанты, пожалуйста! Не шарьте в подкожных блоках, я же вижу и понимаю, что вас не блохи кусают! Блоха? Н-ну... Вот такая мелкая прыгучая скотинка, водится на планете Земля. А если будете заново вживлять подкожные инфоблоки, скажите врачам, что им подмышками не место. Кто только до этого додумался? Да, там они в безопасности, да! Но вы сейчас были похожи на стаю чесоточных мартышек. Ладно, кто успел вывести информацию на окуляры, говорите. Так, правильно, Тауринда. И лилия Меркуса.

Эту беду обнаружила только третья экспедиция, первые две радостно рапортовали: состав атмосферы почти идентичен земной, сила притяжения вдвое выше, местная фауна – безобидные ползуны вроде рептилий, бабочки – ну, эти оказались зубастыми, еще что-то в озерах бултыхалось. Но там, на треклятой Тауринде, цветет лилия Меркуса. Так ее назвали в честь первого парня, которого она погубила. Две первые экспедиции работали, пока она дремала и набиралась сил. Цветет эта зараза чуть ли не полгода. Кто ухитрился подышать ее пылью – разбухал, укоренялся и сам начинал цвести! Естественно, мозги у него делались как у той самой лилии. Наши ребята скоро выяснили – таким манером пыльца внедряется в ползунов и распространяется настолько, насколько они сумеют отбежать от куста. Вот такой ботанический механизм экспансии. Она и в такие щели скафандра внедряется, что страшно подумать. Кроме того, она, зараза, ползучая – в каждой вот такусенькой пылинке есть что-то вроде примитивного мускула, он сокращается, и пылинка может двигаться с крейсерской скоростью полсантиметра в час. Поверьте, ей этого хватает...

Но надо отдать лилии Меркуса должное – она не просто красива, она прекрасна. В пору цветения там такой пейзаж – залюбуешься. Лепестки тонкие, нежные, полощутся на ветерке, с утра розовенькие, к обеду желтеют, потом – появляются прожилки, красные и лиловые. В общем, сиди и любуйся. Но сиди перед экраном!

На Тауринде обнаружили кучу таких полезных ископаемых, что махнуть на нее рукой было уже невозможно. В самом подходящем месте наковыряли шахт. В шахтах трудятся роботы, им пыльца не страшна, однако вывозят добычу люди. К капсулам орбитального лифта цепляют контейнеры, выводят силовые поля коридора в максимальный режим – и вперед. А если бы вы видели их скафандры с пятой степенью защиты, то вас бы в Разведкорпус стальными тросами не затащили. Жуть, настоящая жуть. И это еще скафандры, не совмещенные с экзоскелетами.

Так вот, во время цветения лилий силовые поля коридора во избежание приключений регулярно отключают, и капсула стоит в ангаре, а лифтер предается блаженному фарниенте... Безделью он предается! Безделье изобрели итальянцы и назвали фарниенте. Нет, я еще не готов к тому, чтобы заставить вас сдавать зачет по итальянскому языку, но если так пойдет дальше...

Бабочки? На бабочек пыльца не действует, и теперь имеется генетическая присадка, которая, как утверждают ученые люди, позволяет человеку более или менее спокойно перемещаться по Тауринде без скафандра. Но только не припомню я случая, чтобы кто-то ею доб-

ровольно воспользовался, да и любителей подышать свежим тауритянским воздухом лично я не знаю – кроме, впрочем, одного...

Вот, ребяташки, есть люди и есть идиоты. Идиот – он формально вроде человека, ходит, звучит, только мозгов у него еще меньше, чем у лилии Меркуса. А в голове у него такое устройство – активизируется только от слова «деньги».

Мы с Гробусом оказались на орбите Тауринды в общем-то случайно. Туда перетаскивали блоки, чтобы смонтировать второе кольцо орбитальной, и поскольку имелась немалая вероятность, что эти блоки попытаются отбить серые корсары... Была такая шайка, мир ее праху. Так вот, в сопровождении блоков был задействован и Разведкорпус. А когда мы туда прибыли, оказалось, что на орбитальной уже поселился один хороший человек, ветеран, нанявшийся на старости лет в лифтеры. Вы уже много где побывали и катались на лифтах класса «орбита-поверхность». Но вам, наверно, и в голову не пришло, что в каждой капсуле сидит лифтер. Да, вы его ни разу не видели, но это не значит, что его там нет. Он контролирует процесс и в сложных случаях принимает нестандартные решения. Компьютер этого не может, а человек – может, за это его там и держат, и платят приличные деньги.

Звали нашего приятеля Тохтамыш. Что это за имя, откуда взялось, не спрашивайте, я этого действительно не знаю. Вид у него был самый ветеранский – загар с красноватым оттенком, вечно прищуренные глаза и седая щетина, которую он сбрасывал примерно раз в месяц. Волосы он заплетал в толстую и даже на вид очень жесткую косу, носил на голове повязку, прикрывавшую корявый шрам на лбу, немного прихрамывал и утверждал, что хромота у них в роду – фамильная, признак породы. Я думаю, врал, потому что – кто же возьмет в Разведкорпус хромого бойца? Разве что этот признак только с годами проявляется, и чем дальше – тем хуже, как спинной гребень у шупулянского десантника. Почему десантника? А я только с ними дело имел. Хорошие ребята, только, когда разозлятся, на крокодилов похожи. Может, у самочек какое-то другое устройство, не знаю, врать не стану.

Ну, кто мне выведет в голокуб капсулу? Так, вот она... да не та! Капсулу космолифта, а не океанскую! Теперь правильно. Вынь-ка вот тут сегмент. Вот прямо за энергобанком, вон там, где идут проводки к наружным регуляторам, видите закуток? Это берлога лифтера. В ней есть все необходимое – койка, пульт с экранами, вон там – кухня, за ней – гигиенический блок. Особо не побегаешь, площадь – девять метров, ну так капсула же не все время вверх-вниз носится, большей частью стоит, а тогда и времени, и места для прогулок лифтеру хватает. Один грузовой отсек чего стоит... так! Я понимаю, что вы себя не в операторы погрузочных мониторов готовите! Но отличить грузовой отсек от машинного отделения вы можете?! Машинное отделение заведует жизнеобеспечением капсулы, и только. Ну, в нестандартных случаях позволяет ее стабилизировать и опустить на поверхность, всякое случается. Курсант Фергюссон, покажите стабилизаторы! Надо же, угадал...

По случаю цветения лилии Тохтамыш жил на орбитальной, там у него был свой бокс, но соседями оказались косманты. Была такая секта, со строжайшей дисциплиной, для работы в Дальнем космосе – идеальные ребята, наименьшая команда космантов – и горя не знаешь, честные, исполнительные. Но они поклонялись космической энергии и эпсилон-лучам, пророкам ее. Поклонялись утром и вечером, причем довольно шумно. Тохтамыш привык, а нам с Гробусом было страшно.

Понимаете, ребяташки, когда монтировали жилые блоки, не предполагалось, что там будут бить в барабан размером с джакузи.

В результате повел нас Тохтамыш в свою берлогу. И тут важна такая деталь – как мы входили в блок, косманты видели. Как мы оттуда удирали, как входили в ангар для капсулы, – они не видели, да и вообще никто не видел. Мы такой цели не ставили, оно само получилось.

В берлоге у Тохтамыша нашлось и чего выпить, и чем закусить. А потом он показывал нам работу камер, установленных на зондах. Мы видели этих самых тауриндских бабочек так, как будто они прямо на нас летели, щелкая зубастыми клювами. Видели мы и лилию Меркуса, конечно.

– Вон, вон, глядите, та уже просыпается, – радостно говорил Тохтамыш. – Вон там, подальше, проснулась! Красавицы вы мои!

Значит, сидим мы перед экранами, любимся, и тут подает голос силовая установка. Этак вопросительно:

– Пии-пии?

– Ты чего это? – спрашивает Тохтамыш.

– Пии-пии! – орет установка, и всем понятно: ругается.

– Не иначе, операторы на пульте банкет устроили. Делать-то им сейчас все равно нечего. У них однажды крышка от тюрбика горчицы в щель кожуха залетела, вентилятор заклинила, еле вытащили, – говорит Тохтамыш. – Гробус, ты там поближе, нажми зеленую кнопку и прекрати эту истерику. По-по-погоди... Кто-то врубил установку!

Берлога колыхнулась.

Тохтамыш врубил связь и высказал все, что думает о пьяных операторах.

– А ты где? – спросили его голосом, не сказать чтоб избыточно трезвым.

– В капсуле я!

– И что?

– Она ползет к люку!

– Как – к люку?..

Связь прервалась. Восстановилась она минуты через две.

– Тохтамыш, у нас конь!

– Откуда?!

– Вот разбираемся! Все заблокировано! Все...

Связь померла, три монитора из четырех погасли.

Конем, господа курсанты, называли тогда программой, который внедряется в систему и наводит там свои порядки. Почему конь – не знаю. Троянский? Хм... Н-ну, тут я не знаток, вам виднее.

Именно этот конь перехватил управление капсулой. И она, встав в люке, уже ждала начала спуска.

Тохтамыш пытался это дело затормозить и взять власть в свои руки. Но конь блокировал и связь берлоги с машинным отделением. В общем, дело пахло диверсией серых корсаров.

– Скафандры! – заорал Гробус. И мы понеслись искать скафандры, в которых выходила обычно на поверхность рабочая бригада. Они аккуратненько висели в том же отсеке, где хранились и экзоскелеты.

И вот теперь самое время сказать, что сила тяжести на Тауринде примерно в два с половиной раза больше земной. В экзоскелет вмонтировано устройство, позволяющее эту беду как-то компенсировать, но все равно – слишком долго в нем находиться нельзя.

Посмотрели мы на эти скафандры и на эти экзоскелеты – и содрогнулись. А капсула меж тем плавно вошла в коридор.

– Если я не совсем еще кретин, то корсары – в капсуле, – говорит Гробус. – А нас всего трое.

– Но какого этого самого? – спрашивает Тохтамыш, имея в виду: на что корсарам Тауринда в такое опасное время.

– Это экспедиция за пылью! – заорал Гробус.

Если бы я сейчас так заорал – вы бы на неделю оглохли. Но у меня так даже не получится.

Тохтамыш минут пять башкой мотал и уши себе по-всякому растирал, пока они не заработали.

– Другого объяснения нет! Это значит, что они готовят атаку, и хотел бы я знать – на которую из планет нашей трассы, – говорит он.

Серые корсары промышляли на двух трассах, пока наши союзники, шупулянцы, их не уничтожили. Я даже подозреваю, что съели.

– Скинуть на поверхность пару бомбочек с пыльцой, а сорок восемь часов спустя прилететь и забрать все ценное, – добавляет Тохтамыш. – Вот только это может оказаться их последней операцией. А мы получим еще одну Тауринду.

– Если там состав атмосферы близок к тауриндянской.

– На что же они нацелились?

– Не все ли равно? Если они не окончательные дураки, то они придут сюда за скафандрами. Ведь для Тауринды только эти и годятся, – сказал я.

Скафандров было десять. И весил каждый кило сорок, не меньше, потому что с полной системой очистки воздуха и жизнеобеспечения, срок автономной работы – семьдесят два часа. А как их носить на планеточке, где сила тяжести в два с половиной раза больше земной? А экзоскелеты на что?

Но они, экзоскелеты, не были предназначены для проползания по узким коридорам капсулы. Их вместе с содержимым прямо оттуда, где они стояли, спускали в люки, а потом затаскивали обратно. Мы поволокли скафандры в берлогу.

Она не была предназначена для долгой осады, оружия у нас тоже не имелось. Если бы берлогу попытались взять штурмом – там бы и настигла нас безвременная кончина.

В общем, картина была такая: в крошечной берлоге на полу неровным слоем лежат скафандры, на скафандрах сидим мы с Гробусом и произносим всякие неприличные слова, а Тохтамыш пытается оживить систему управления.

Наконец ему удается наладить контакт – но это контакт с силовой установкой на орбитальной.

– Ура! – орем мы. Орем, естественно, не подумавши. Потому что способ не пустить серых корсаров на Тауринду – вот он, и мы его излагаем.

– Ребята, если я вырублю силовую установку, коридор пропадет, – говорит Тохтамыш.

– Ну и что?

– А то, что – знаете, на какой мы высоте? Капсула станет спутником Тауринды! Со своей собственной орбитой! А как ее с этой орбиты снимать, я не знаю!

Мы с Гробусом смотрим друг на друга и понимаем, что туда нам не надо.

Тохтамыш колдует дальше, поминая каких-то древних демонов, и оживляет несколько наблюдательных камер. А капсула меж тем все ближе и ближе к поверхности Тауринды.

– Тохтамыш, где они засели? – спрашивает Гробус.

– Я думаю, в рубке, где обычно торчит дежурная бригада и играет в дембоквест на щелбаны.

– Странно, что они не идут за скафандрами.

Серые корсары были те еще сукины сыны, но в Дальнем космосе крутились лет десять и знали, как готовиться к спуску. Если они как-то просочились на орбитальную и захватили капсулу – значит, не один день к этому безобразию готовились. Должны были знать, что для Тауринды изготовлена партия специальных скафандров! Да и про берлогу они должны были знать, найти схему капсулы несложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.